

Булатный патриарх

С первым ударом пасхального колокола сотни галок поднялись над куполами Покровской церкви и заграли, загомонили, черными хлопьями просыпались в небо. Хромоногий сторож Памфил Стукалов, по кличке Бык, распушил пышную сивую бороду и похристосовался с первым прихожанином. Внутри церкви шла всеношная служба, а тут, на позднем апрельском снегу, постепенно собрались те, кто только утром нашел время помолиться Богу.

Этим первым прихожанином оказался купец Вассиан Крупеуко, который держал в Бирюче чумацкий двор. Вассиан только вчера вернулся из Крыма с соляным обозом. Теперь блестел свежевыбритым подбородком, а глаза выдавали в нем явно подвыпившего человека. Памфил после лобызания сплюнул досадливо, через силу произнес: «Воистину воскресе, черт ты бособородый». И хотел уже отделаться от купца, заметив юную дочку непрямого члена питейного заведения. Но купец попридержал Памфила за отворот армяка и указал на рыжего человека рядом с собой. Стоял тот в господском наряде — комзоле и высоких ботфортах, на пламени волос — голубая треуголка.

-А с господином из губернии похристосоваться брезгуешь, Памфил? - пьяно попытал Вассиан. -Уж сделай милость, отставной секунд-майор господин Бирилев лично к тебе пожаловал вчера, я его подвез на последнем перегоне.

Памфил маслянистыми глазками проследил за ускользавшей без поцелуя дочкой непрямого члена и распростер объятья офицеру:

— Христос воскресе, ваше благородие!.. От меня чего надо-то? Подати плачу справно, к исповеди хожу вовремя.

Человек в треуголке отер усы после поцелуя и неожиданно густым басом проговорил:

— Я слышал, что в одно время ты состоял кучером у архиепископа воронежского Митрофания и будто бы возил его во время пребывания на верфях царя Петра. Так это?

-Было дело, — согласился Бык и тут же метнулся к подъехавшим дрожкам. С них медленно, с достоинством опускался градоначальник Хитрово. Памфил не решился сунуться к нему с поцелуем, а городничий сурово спросил, глядя на Бирилева:

— Кто таков, почему не знаю?

Памфил опять распустил бороду и ответил за гостя:

— Секунд-майор антиресуется насчет моей службы при архиепископе.

Городничий облегченно вздохнул («Слава Богу, не ревизия») и прошествовал в церковь. Офицер опять завладел сторожем, раскурил трубку и продолжил:

— Дело в том, что я — сын преподобного Митрофания. И из записок отца вычитал, что он был одним из кандидатов на патриарший престол. Я теперь сам пишу книгу о батюшке и прошу тебя поподробнее припомнить свою службу при архиепископе. Я пока остановился у купца Крупенко и очень прошу навестить меня сразу же после церковной службы. Воспоминания оплачу. Согласен?

— Отчего не навестить? — согласился Памфил и перехватил-таки на обратном пути из церкви дочку неперменного члена. Смачно расцеловался с ней и опять заверил офицера:

— Конечно, навестим, ваше благородие!

II

Экая конфузия! По приезде своем на Воронежские верфи велел госутарь Петр Алексеевич спустить с флагштока романовский фамильный бело-желто-черный стяг и вознес в поднебесье новое полотнище.

— Отныне, — гремел Петр солдатам и работным, окружившим досчатое возвышение, — быть в государстве Российском новому флагу,

бело-сине-красному! Поднять его по всем городам и весям и чтить, как святыню. И да будет так отныне и до веку!

Дивились работные тому новшеству. А тут — новая напасть: как только прошелся государь по верфям, то велел на выгоне, на виду у всех, мастерить передвижные виселицы на тяжелых дубовых колесах. И лишь сколотили плотники грубые глаголи, как закачались в петлях лапотные тела нерадивых мастеровых. И сразу яростнее и дробнее застучали на верфях топоры, свиньями завизжали пилы, заухали утробно дубовые бабы-трамбовки, и над всем этим людским хлопотливым муравейником тяжело шевелился новый Российский флаг: бело-красный окоем с небесно-синей полосой посередине.

Памфил Стукалов, десятник из Бирючьей Яруги, суетился тут же, среди своих земляков. Работали они с тяжкими дубовыми бабами-трамбовками, вгоняли сваи в упругую луговину. Кормили их квасом да хлебом, от того бирючане скоро сдали телом, к вечеру без пьянки шатались и падали на ночь в своем шалаше снопами, чтобы утром с первым колоколом вновь взяться за отшлифованные шершавыми ладонями поручни баб. И лишь у кого начинали подкашиваться ноги, десятник Памфил тут указывал глазами на виселицы: гляди, мол, земляк, чем у нашего царя нерадивость оборачивается.

Верфи вырастали на глазах. В конце мая, ближе к полудню, на миг оторвал Памфил глаза от деревянной бабы и обомлел: размахивая дубиной, впереди едва поспевавшей за ним расфуфыренной свиты, широко в сторону бирюченских мужиков вышагивал сам царь. Памфил раньше близко не видел Петра, но тут сердце екнуло: он!

И лишь Петр поравнялся с работными, Памфил, а вслед за ним и все мужики со свайного участка, опустились на колени. Хищно вздернув усы, Петр рассвиригел:

— Что такое?! Кто десятник? — и, увидев метнувшегося ему под ноги Памфила, вознес над головой дубинку: — Так ты, шельма, вместо работы тут задумал челобитьем заниматься? Вот тебе, прохвост!

Сраженный страшным ударом, Памфил завалился на шелковистую луговину. Даже не глянув на него, царь и свита пошли дальше. Подскочили земляки, подхватили под руки:

— Работайте, — прохрипел Памфил, — а то и вам то же будет.

Он отлеживался всего с полчаса. Потом, преодолевая боль в плече, сам опять взялся за поручни ненависной трамбовочной бабы.

Он даже не обиделся на царя. «Поделом, — успокаивал себя Памфил. — России и впрямь флот позарез нужен, уж до поклонов ли тут? Эвон, крымский хан с султаном как балуют!»

И припомнилась Памфилу его Бирючья балка под городом Верхососенском, где стояла теперь его белая мазанка и ждала дома одинокая мать. Уж как полгода забрали на верфи мужиков, так никого и на денек домой не отпустили. А там теперь па всю сотню дворов и остались лишь бабы да детишки малые. «И когда домой вернемся? Скоро хлебам колоситься, а там и лютой зимы жди. Хоть бы весточку какую на Бирюч передать, да где она, оказия-то?».

Грамоту Памфил знал, еще мальцом обучил его счету и письму бродячий старец-раскольник, что прибился к их избе по немощи. Старец давно почил, а вот науки его в голове у Памфила остались. И хоть сам Памфил раскольником не стал, по книги любил церковные старого письма, как и суровые иконы приверженцев древней веры. И сейчас, монотонно стуча тяжелой бабой, начал десятник обдумывать некое новшество, что облегчило бы труд мастеровых. И по мере работы он уже имел в голове подобие некоего чертежа, каковой и решил он вечером перенести на бумагу.

III

В шатре государя, за длинным досчатым столом, шла пирушка. Любил Петр потешить себя, подпаивая соратников. Что у трезвого в уме, то у пьяного на языке — это царь помнил всегда. И теперь, вроде бы разговаривая с генералом Арпаксиным, он краем уха слышал излияния архиепископа

Серафима, который гудел на ухо другому архиепископу — Митрофанию воронежскому:

— Негоже нам, православным пастырям, подчиняться патриаршему местоблюстителю. Надобно требовать у государя избрания нового патриарха. Ты, владыко, с Петром Алексеевичем на короткой ноге — замолви ему словечко.

Петр ухмыльнулся про себя. Он хорошо знал о подсудной возне высших церковных иерархов, ведь с тех пор, как умер патриарх Адриан, он так и не позволил церковникам избрать нового главу церкви. А над всеми этими чернорясниками, как про себя называл царь епископат, он поставил всего лишь местоблюстителя патриаршего престола — Стефана Яворского. Но епископы постоянно подкатывают к царю: нужен де патриарх. И каждый на это место метит.

«Не на того напали» — усмехнулся Петр, слушая разговоры архиепископов. В державе должен быть один правитель — этого правила Петр решил держаться до конца. Архиепископу воронежскому Митрофанию он верил, а вот Се-трафима решил сегодня же отправить в отдаленный Чудов монастырь. Будет ему воду мутить.

Подошел, придерживая у бедра шпагу, Сашка Меньшиков. Склонился к уху царя:

— Чертежик у меня интересный есть, государь. Плюнь на этих бражников, погляди в бумаги.

Петр отставил кубок, легко поднялся. Прошли в соседний шатер, в контору верфей. Там стоял, склонившись над бумагами, немецкий инженер Дитрих. Поприветствовав Петра, он ткнул пальцем в чертеж:

— Сей достойный проект поможет ускорить дело. Взгляни, государь, сколь просто и надежно предложенное здесь устройство.

Царь запыхтел трубкой, склонился над листом. А инженер ему объяснил, что сим чертежом предлагается устраивать над сваей треногу из сосновых стволов, к ее вершине на блоке подвешивать несравнимо тяжелую,

чем сейчас, дубовую бабу, и усилиями нескольких человек за считанные минуты заколачивать сваи на любую глубину.

Петр ухмыльнулся:

— Думаешь, получится?

— Непременно! — заверил инженер.

— Сам придумал?

— О, нет, — инженер поднял руки. — Сей прожект передал мне десятник, некий Памфил. Он же и пояснения к сему приложил...

Инженер не успел договорить. Петр вскочил, грохнул кулаком по столу:

— Алексашка! Ты куда глядишь, бесов сын? Я ведь запретил по всей России подлым людям иметь бумагу и чернила! Подать сюда проклятого десятника!

Тенью метнулся Меншиков из шатра, и десятью минутами позже с заломленными за плечами руками казаки вволокли пред царские очи Памфила. Вздернув, поставили его на ноги. Петр некоторое время молча глядел на десятника.

— Ты, — прохрипел он, едва сдерживая ярость, — как осмелился на бумажную работу? Уж не ты ли письма подметные сочиняешь по округе?

Схватив дубину, он в ярости обрушил ее на Памфила. Тот, шатаясь от боли и ужаса, услышал, как хрустнул на шее позвонок. Вторым ударом царь сшиб его с ног.

— В соборную темницу негодяя!

Стражники выволокли Памфила. Петр некоторое время, шумно дыша, посидел на скамейке. Успокоившись, спросил инженера:

— Так прожект говоришь, стоящий? Ну, давай прикинем, как проще к нему подступиться. Чать, пока со сваями дело стопорится.

И вновь склонился над бумагами Памфила, окутав себя и инженера сизым табачным дымом.

IV

Разного звания люди сидели в архиерейской темнице. Приказчик соляных промыслов с Торских озер прикован цепью к стене за то, что осмелился у государя в челобитной просить о беспошлинной торговле солью. Некий сержант Ковалев попал за то, что утопил в реке казенного коня. Сидели трое бородатых бродяг с рваными ноздрями: их привезли из-под Валуек «за колдовство и злые разговоры про государя». Были тут и еще какие-то узники, в полумраке Памфил всех и не разглядел. Он лежал на гнилой соломе и не шевелился: давала себя знать острая боль в позвоночнике. Время от времени по темнице пробегала тень — это за подслеповатым окошком прохаживался стражник, закрывая солнце.

Хотелось пить, но еще большее страдание вызывала обида. «Думал, обрадуется царь, дело от моей затеи живее развернется... Вот и развернулось, черти бы всех забрали».

Противно запела дверь на петлях, опустился по ступенькам в темницу сам Высокопреосвященный Митрофаней. Широким жестом перекрестил все четыре угла и густо пропел, обращаясь ко всем разом:

-«Ибо они предприняли против тебя злое, составили, замыслы, но не могли выполнить их...» Так сказано в Псалме Давидовом, и так же вы, грешные, не исполнили своих замыслов на государя. Кайтесь, и Бог простит вас. Теперь же ответствуйте, кто готов к исповеди, ибо к вечеру состоится суд государев и постигнет вас кара земная и, кара небесная.

Узники молчали. Архиепископ выждал несколько, потом обернулся к дверному проему:

— Настасьюшка! Принеси им сбитня, поподчуй напоследок.

Еще постоял и вышел, безнадежно махнув рукой.

Девушка сторожко вошла, заметая пол длинным сарафаном. В руках боченок со сбитнем, березовый ковш при нем. Первым испил сержант Ковалев, потом омочили бороды в ковш валуйские колдуны.

Памфил принял ковш, хлебнул сладкого настоя:

- Кто ты, красавица?

Румянец полыхнул по щекам девушки:

— Послушница я, у архиерея в услужении. А мирскую пгежду ношу, чтоб не выделяться из челяди. Уж три года служу, как взял меня архиерей из усердского посада...

Памфил вскинул глаза:

-Так мы с тобой одного поля ягодки, красавица! Бирюченский я, на Усерде родню имею. — И вдруг загорелся, перейдя на шепот: — Заболви за меня словечко Митрофанию. Я ведь на все руки мастер, мог ему послужить кем угодно...

И к неудовольствию прочих узников, они зашептались, и девушка послушно кивала головой. Потом, взяв под руку боченок и приподняв подол сарафана, она поднялась поступенькам. С тем же противным скрипом стражник закрыл за ней дверь и лязгнул засовом.

Памфил осторожно опустил спину к бревнам стены. Болела шея. Близился судный час. Но уже светилась маленькая надежда.

V

Сорокалетним мужем принял постриг архиепископ Митрофан. Теперь, разменяв седьмой десяток, он считался на Руси одним из самых уважаемых пастырей. К слову воронежского владыки прислушивался сам царь Петр, а прочие священники со дня на день ждали, что утвердит государь Митрофана патриархом. Но отношения царя и пастыря оставались сторожкими, Митрофан не давал Петру воли над собой. Он ему и дерзкую грамоту написал о жестокосердии: "Что ж ты, сукин сын, государь, Бога забыл? По немецкому наущению православных христиан под лУну крючаями

вздыхаешь да на раменье полосуешь. Тебе же Господь сказал : подъявый нож ножом и погибнет. Чти Исусово Евангелие, неуч, а не лютерову ересь. Сирый мних Митрофан" . Пётр лишь закусил губу, но обиду проглотил. Сам же архиепископ уже давно понял, что нового патриарха Петр не потерпит вообще, и поэтому не выслуживался, держался с достоинством. Это нравилось и самому Петру, и потому во всех делах Митрофания он помогал ему, постоянно высказывал свою благосклонность.

Утром того дня, как Памфил попал в темницу, архиепископа Митрофания поднял с постели чуть не плачущий архиерей Серафим. — Владыко Митрофаний, замолви за меня словечко государю. Не чую за собой вины, но он велел отправить меня в Чудов монастырь! — Языком надо меньше молоть за чашей, отец Серафим... Ладно, обращусь к Петру Алексеевичу. Он хоть и строг, но справедлив. Ступай, дай сны доглядеть.

Серафим ушел, но Митрофаний заснуть уже не мог. Хорошо зная натуру царя, он был уверен, что тот не простит Серафиму его речей о патриаршестве. Но все равно решил постоять за опального священника. А потом дневные заботы закружили архиепископа. Уже назавтра он собирался проехать по епархии, давал теперь указы, писал бумаги. Потом опустился в темницу к узникам, а потом через порог неслышно ступила послушница.

— Тебе чего, Настасьюшка? — старик всем сердцем привязался к этой девушке, откровенно баловал ее на зависть прочей прислуги. Девушка опустилась на колени: — Владыко, отпусти на волю Памфила из темницы. Земляк он мой, потому и прошу. А уж умелец на все руки. Вон у нас кучер занедужил, так Панфил и за кучера сможет.

«Батюшки-светы! — ахнул про себя Митрофаний, — и впрямь, завтра в дорогу, ан править упряжкой и некому!» — Встань, красавица. Миловать царских ослушников я не вправе, но сказать за него царю обещаю. Может и смилуется Петр Алексеевич. Но уже через пару часов, при встрече с государем, преосвященный понял,

что надеяться на царскую милость не приходится. Был Петр взвинчен и хмур и в своем шатре даже присесть Митрофанию не предложил. Только что открылось купеческое воровство сукна, Петр едва сдерживался, говоря с Митрофанием:

— Никому довериться не могу, владыко! Вор на воре... Ты завтра по епархии отправляешься, так присмотришь в городах к купеческим домам и казенным магазинам. Загляни в Валуйки — я чаю — там целый клубок из воров и казнокрадов обосновался. И еще прошу, — Петр развернул перед собой свиток, — тут вот челобитная от некоего сотника Медкова из Бирючьей балки. Просит моего царского указа об основании там города. Пригляди, владыко, что там за местность, кто живет да каковая она размером, та балка. Твоего слова мне будет достаточно, чтоб решение свое определить... Да ты здоров ли, архиепископ? — Петр заметил смертельную бледность на лице преосвященного. — Пройди, присядь напротив. Может, лекаря? Митрофаний присел на грубый солдатской табурет: — Ничего, государь, я здоров. А бледность моя от забот. — В чем же заботы? Говори прямо. Постараюсь помочь. Митрофаний отхлебнул воды из чаши на столе: — Нельзя ли, государь, оставить на месте архиерея Серафима. Он хоть и без епархии, да мне много помогает. И тебе верный слуга. Нет, — отрезал Петр, — вольнодумцев не потерплю, невзирая на сан. Не проси за него больше. Что еще? Митрофаний опять коснулся губами краев чаши и сказал, отодвигая ее от себя:

— Даже и не знаю, не разгневаю ли тебя другой просьбой... Мне кучер нужен и я хотел бы взять в услужение одного узника из темницы. Ну, того, что придумал чертеж, как сваи сподручнее забивать. Неожиданно Петр повеселел, чиркнул кресалом. Пустил дым из ноздрей: — Не могу же я дважды подряд сказать отцу Митрофанию «нет». Забирай грамотея в кучера, только пусть он от чернил держится подальше, как черт от ладана.

Митрофаний поднялся:

— Спасибо тебе, государь. Кстати, этот чертежник из той самой Бирючьей балки, куда ты меня направляешь. Петр махнул рукой, давая понять, что встреча закончена. У полога шатра появился царский денщик с дымящимся солдатским котелком. Царь изволил полдничать.

VI

Наутро правил Памфил шестеркой архиерейских лошадей, выезжая за пределы верфи. Опасливо косился он в сторону подвижных виселиц, где болтались, высунув языки, вылуйские колдуны, сержант Ковалев, и еще другие, кого в темнице он так и не сумел толком разглядеть. «Молодец, девка!», — думал он теперь про Настасью, что спасла ему жизнь. За пазухой у Памфила было письмецо, которое она просила передать в Усерде родителям, коли окажется там архиерейский поезд. И начали колеса считать воронежские версты. Коротояк, Урыв, Острогожск, Валуйки.. Ух, как же стлался перед архиепископом вауйский городской голова Афанасий Рагозин! Но архиепископ учинил розыск, пришел в неистовство от его результатов и отправил Рагозина и еще пяток городских темнил к царю на расправу под оголенными саблями. И вот она — Бирючья балка. Белые мазаные хаты уютно примостились вдоль широкой и полноводной Тихой Сосны. Вековые вербы создавали над ними целый зеленый шатер, и не чувствовалось тут удушливой летней жары. Сотник Медков, малоросс с длинным чубом-оселедцем на бритой голове, самолично преподнес Митрофанию хлеб-соль. Потом с дороги отвел в опочивальню, а наутро показал селение.

Стояла по реченьке Бирючки мыловарня торгового человека Веснина, чадили древесным углем целых четыре кузницы, а в полотняной мастерской самого Медкова местные бабы ткали холсты и делали полотно для царского флота. Преосвященный остался доволен — полотно было добротным, крепким. Тут же четверо мастеровых вили пеньковые канаты и во всех действиях бирючан заметил владыко веселый настрой и доброе умение. А еще заслушивался он песнями, что пели тут все от мала до велика. Сотник Медков сразу признал Памфила.

— А домой не спеши, — сказал он, — матушку твою мы похоронили два месяца назад, избу отписали в казну. Там теперь постояльцы живут, офицеры флота. Они лес корабельный метят, да следят за строительством днищ корабельных в Усерде и Фоцеватом. Живи пока тут, при избе приказной.

Почти неделю оставался архиерей в Бирючьей балке. И за все это время Медков ни разу не заговорил о своей челобитной царю. Уже садясь в крытый свой возок сам архиепископ сказал ему:

— Доложу государю, что Бирюч достоин его указа на право называться городом. И о твоей расторопности да усердии доложу. Трогай давай, — велел он Памфилу, и кони понесли архиепископа и его свиту в Усерд.

VII

Владыко основательно занемог уже за Усердом. На речке Черная Калитва велел остановить поезд. Митрофания вынесли из возка, положили в тень высокого дерева. Его секретарь, протоиерей Мефодий, суетился без толку, и сетовал на то, что не удосужился в дорогу с собой взять лекаря. Архиерей велел Мефодию причастить его святых тайн, но сначала продиктовал письмо государю. В нем он отчитывался о своей поездке, особый упор сделав на желательности основания Бирюча.

Ночь в походном бивуаке архиерея прошла беспокойно. Он метался и бредил, но утром нашел в себе силы приказать.

— В дорогу, на Воронеж, к государю. Памфил гнал лошадей, стараясь не растрясти больного. Изредка останавливались задать коням овса и напоить их. К утру следующего дня были на верфях. И здесь, еще до встречи с царем, архиепископ скончался.

Петр пришел в походный домик архиерея, сам закрыл ему глаза. Меншикову велел:

— На похоры созвать архиереев. Да проводить преосвященного со всеми почестями.

Поскакали гонцы по епархиям и стали съезжаться в Воронеж высокие сановники. Памфил и Настасья, скорбные и молчаливые, метались по хозяйству, готовили хозяина к отходу в мир праотцов. Вечером Памфил чистил коней для траурной процессии. Он видел, что к конюшне подходит царь с дубинкой. Припомнив свой горький опыт, он решил не отрываться от дела. Но царь опять показал свой непредсказуемый нрав: — Ты как смеешь, чернь, не приветствовать государя! И новый страшный удар обрушился на спину Памфила. Он упал прямо в навоз, потеряв сознание. Когда пришел в себя, царя уже и след простыл. Над ним склонилась Анастасия, поднесла к губам ковшик. Покряхтел, поохал Памфил, но поднялся и принялся за дело. А там, у реки, сотрясали воздух дубовые бабы, сработанные по его чертежу. Утром появилась депутация от города Бирюч. Царь в окружении архиепископов и митрополитов принял их, Медкову протянул бумажный лист. Стоявший среди прочих на взгорке Памфил слышал царский голос: — Сим жалую жителям Бирючьей балки статус города и до веку нарекаю именоваться ему Бирючем. Верю, что в русскую историю Бирюч войдет как славный город, достойный Москвы, Воронежа и прочих достойных городов российских. Депутацию городскую позволяю допустить к погребальному обряду архиепископа Митрофания и следующую новую церковь в Бирюче именовать его именем — Митрофановской.. С Богом, господа! "

Бирюченская делегация примкнула к скорбному шествию . Схоронили преосвященного в воскресенье и во всех воронежских соборах, как и по всей державе, в этот день гудели колокола.

А потом была поминальная трапеза, за столом прислуживала архиерейская челядь. Во главе стола в окружении первосвященников сидел царь и выслушивал, о чем они говорили.

А они все о своем же. Нужен, де патриарх на Руси. И коли Митрофаний умер, то время подобрать другого. Вот хотя бы Стефания Яворского, к примеру. Слушал, слушал Пётр, а потом как стукнет кулаком по столу! Все притихли. И среди этой тишины увидел Памфил, как государь из-за пояса

Меншикова выхватил кинжал. При всеобщем оцепенении Петр кинул этот кинжал перед собой на стол и прокричал:

— Вот вам булатный патриарх, архиереи, и он будет отныне править церковью!.. Царь поднимает на вас нож, черноризники, и сим ножом победит. Ишь, моду взяли - государь им сукин сын! С глаз моих разъезжайтесь немедленно.

И выскочил из-за стола, яростно громыхнув табуретом.

*

*

*

А Памфил так и не оправился от удара царской дубинки. Тогда вместе с бирючанами вернулся домой. Слепил плетеную избушку и поступил на службу в кладбищенские сторожа. Ходил он набычившись из-за изуродованной шеи, за что и прозвали его Быком. С ним приехала и Настасья, которая потом долгих двадцать лет была его верной женой. Да простудилась по осени, и враз сгорела, оставив ему, впрочем, дочку и сына.

Все это припомнилось Памфилу в длинную пасхальную ночь перед встречей с офицером Бирилевым. «Ну, что я ему расскажу об архиерее? — Памфил горько улыбнулся про себя и неожиданно подумал, — а не пойду я к секунд-майору, лучше все напишу на листе. Благо, Петра давно нет на свете и никто теперь бумагу марать не запрещает».

И пошел, сутулясь, на кладбище у Митрофаниевской церкви, где несколько часов камнем просидел у могилы жены. А секунд-майор Бирилев потом напечатал воспоминания Памфила в епархиальных ведомостях. Так они и дошли до нас на желтых от времени газетных листах — воспоминания о славных и тяжелых временах, добрых и злых людях и беспощадной царской дубине.